

Позиционирование приграничных районов Дальнего Востока России в экономической и социальной структуре региона: происходящие перемены

НОРИО ХОРИЕ, Тоямский университет. Япония.
E-mail: horie@eco.u-toyama.ac.jp

В статье рассмотрены изменения во взаимоотношениях между экономическими структурами и местными жителями в приграничных районах Дальнего Востока России и Китая. Анализируются зависимость регионов Дальнего Востока от торговли с Китаем, развитие китайского агробизнеса и международные инвестиции в сельское хозяйство, а также трансграничная миграция.

Ключевые слова: приграничные районы, Дальний Восток России, сельскохозяйственная экспансия, контроль над территорией, трансграничная миграция

Трудно оспаривать регулярные утверждения российских и китайских лидеров о том, что отношения между Пекином и Москвой сейчас лучше, чем когда-либо в прошлом. Но в то же время большинство экспертов в области китайско-российских отношений часто подчеркивают неустойчивость очередного сближения стран, которое полностью базируется на поставках российского природного газа [1. Р. 863, 2. Р. 485].

Приграничные области между Россией и Китаем по-прежнему остаются спорными, а поиск доступа к ресурсам может породить как конфликты, так и сотрудничество между странами [3. Р. 11]. По мнению экспертов [4. Р. 77–78], беспокойство нашей страны относительно роста китайского влияния в приграничных российских областях Дальнего Востока вызвано такими причинами, как сокращение этнически русского населения России, интерес Китая к расширению доступа к энергетическим и другим природным ресурсам региона, более динамичное развитие Китая в сравнении с Россией и подозрения в росте масштабов нелегального въезда китайцев на Дальний Восток.

Именно эти факторы формируют местный стереотип озбоченности ростом влияния Китая в приграничных областях Дальнего Востока России. Между тем, как показывают данные

полевых исследований по обе стороны границы между Россией и Китаем, установившиеся связи между экономическими субъектами и местными жителями в приграничных областях меняют и стереотипы, и позиционирование этих районов.

В данной статье я попытался описать происходящие изменения и высказать свои соображения о том, каким образом развитие многосторонних связей приводит к новым положительным переменам в приграничных областях, несмотря на то, что двойственное отношение к влиянию Китая на экономику и население зачастую тормозит развитие связей между странами.

Теоретический подход

Развитие экономического ландшафта привлекает внимание исследователей, которые пытаются смоделировать связи, зависящие не только от местных условий, но и связей с другими регионами. Основная масса исследований касается «изменений в позиционировании различных хозяйствующих субъектов относительно друг друга в пространстве/времени» [5].

Ресурсные периферийные и приграничные области, где можно найти яркие примеры связей и взаимодействия различно позиционированных субъектов, естественно, являются предметом внимания экономических географов, изучающих динамику локального позиционирования. Я в своей работе также использовал это понятие, чтобы выяснить, как изменилось позиционирование регионов Дальнего Востока России, ставших местом «пересечения интересов» различных субъектов.

Эта статья основана на данных, касающихся двух приграничных российских регионов – Еврейской автономной области (АО) и Амурской области. Эти территории считаются периферийными не только из-за отдаленности от Москвы как центра политической и экономической структуры России, но и от выходов к морским портам, которые традиционно являются «воротами» в установлении международных связей (на Дальнем Востоке России эту роль играет Владивосток). При этом, хотя оба исследуемых региона удалены от крупных центров международной коммуникации, оба они вплотную граничат с Китаем, что дает им уникальные возможности.

Мартинес [6] описал четыре типа приграничных областей: обособленные, сосуществующие, взаимозависимые и интегрированные. Обособленные приграничные области – это те, между

которыми граница закрыта, и к тому же они сами отказываются взаимодействовать. Сосуществующие – те, в которых разрешены и развиваются ограниченные трансграничные связи, но обе страны или, по крайней мере, одна из них не дает разрешения гражданам другой на постоянное проживание на своей территории. Нередко у людей, живущих в сосуществующих приграничных областях, может возникать чувство некоторой враждебности при мимолетных, случайных встречах. По мере развития социальных, культурных и экономических отношений между представителями соседних стран возникает понимание взаимной выгоды от трансграничного сотрудничества. Такие приграничные районы можно назвать взаимозависимыми. Профессиональные и личные отношения жителей таких стран устанавливаются как часть повседневной жизни, несмотря на наличие границы. В данных интегрированных областях нет ограничений на передвижение товаров, населения и информации, отсутствуют контрольно-пропускные пункты. Создание таких областей можно воспринимать как прямой путь к интеграции стран.

Согласно Уилкинсону [7. Р. 182], большинство приграничных областей нельзя полностью отнести ни к одному из выделенных типов. Это справедливо и в отношении приграничных районов Дальнего Востока России: для части из них характерны особенности областей сосуществующего и взаимозависимого типа. Они хорошо видны на примерах связей между различными субъектами, преследующими собственные интересы.

Границы между Китаем и Россией, а также культурные и экономические различия между странами могут стать препятствием для международных потоков товаров, капитала, услуг и населения притом, что в них заложен большой потенциал для развития регионов.

Состояние местной экономики приграничных областей: сельское хозяйство

С уверенностью можно сказать, что население российско-го Дальнего Востока все еще чувствует недостаток внимания со стороны Москвы. Но также бесспорно, что явная дифференциация регионов по разные стороны китайско-российской границы существенно повлияла на региональную политику Москвы. Так, принятие «курса на Восток» многие связывают с визитом Президента России В. В. Путина в июле 2000 г.

в г. Благовещенск, расположенный вдоль пограничной реки Амур [8. Р. 144]. На лидера произвел впечатление разительный контраст между депрессивным Благовещенском и процветающим китайским Хэйхэ, который в советское время был просто небольшой деревней. Развитие Дальнего Востока сегодня рассматривается как важная цель государственной политики по предотвращению потери Россией «дальневосточных территорий из-за ошибок государства или иностранной экспансии или доминирования» [8. Р. 29], а также по активизации собственной роли и веса в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Учитывая такое двойственное отношение России к Китаю (как к стратегическому партнеру в экономически и политически «мягком» союзе, но одновременно и как к угрозе собственной территориальной целостности), местные элиты часто используют угрозу «китайской экспансии» для того, чтобы побудить Москву активнее заняться развитием региона.

Регионы северной и южной частей российского Дальнего Востока сильно различаются не только по своим климатическим и географическим особенностям, но и из-за расположения относительно государственных границ. Северные территории не имеют сухопутных границ с иностранными государствами, а южные близко соседствуют с Китаем. Торговая зависимость южных регионов от Китая заметно сильнее, чем на севере Дальнего Востока (табл. 1). Особенно ярко эта зависимость проявляется в Еврейской АО и Амурской области, поскольку там есть пункты таможенного пропуска только в Китай, в то время как Приморский и Хабаровский края имеют собственные выходы в океан, позволяющие торговать и с другими азиатскими странами.

Таблица 1. Зависимость регионов Дальнего Востока РФ от торговли с Китаем, 2009 г., %

Южные области	Приморский край	55,8
	Хабаровский край	50,2
	Амурская область	83,8
	Еврейская АО	98,0
Северные области	Республика Саха (Якутия)	1,7
	Камчатка	33,7
	Магаданская область	5,7
	Сахалин	9,9

Источник: данные Амуроблкомстата.

Курт утверждает, что запасы нефти и газа на российском Дальнем Востоке играют не последнюю роль во всех запасах энергетических ресурсов России [2. Р. 485]. Но к Амурской и Еврейской автономной областям это не относится – здесь нет ни газа, ни нефти. Однако оба региона обладают плодородными пахотными землями и обширными лесными массивами, так что основными статьями их экспорта являются круглый лес и соя. Почти вся эта продукция направляется в Китай (табл. 2), и потому эти области вынужденно зависят от Китая в международной торговле. Но в Амурской области, например, существует возможность инвестирования в создание кластера по производству сои. Высокий экспортный потенциал в сельском хозяйстве стал причиной того, что я в своем исследовании уделяю внимание именно этой отрасли.

Таблица 2. Структура экспорта Еврейской автономной области в 2013 г. и 2014 г.

Товар	Стоимость, тыс. долл.		Доля, %	
	2013	2014	2013	2014
Соя (не для посева)	2136,4	5109,4	12,0	21,7
Древесина и изделия из нее	14364,0	16303,1	80,4	69,1
Другие	1376	2166	7,6	9,2
Всего	17875,9	23578,2	100,0	100,0

Сильная экспортная зависимость двух дальневосточных регионов от Китая при собственной экономической слабости приводит к двойственному отношению к вопросам сотрудничества: регионам нужен Китай, но они не хотят, чтобы тот доминировал в торговле, инвестициях и занятости. Для экономического развития этих территорий, имеющих плодородные земли, но небольшое население, российское правительство пытается привлечь иностранные инвестиции. В рамках Программы сотрудничества на 2009–2018 гг. регионов Дальнего Востока и Восточной Сибири России и северо-востока Китайской Народной Республики, подписанной президентами РФ и КНР в сентябре 2009 г., предусматривается стимулирование прямых китайских инвестиций. На первоначальном этапе эта программа действительно способствовала развитию сотрудничества обоих участников, но российская сторона не смогла полностью осуществить ее реализацию, сократив финансирование и обеспечение рабочей силой связанных с программой российских проектов [9].

Контроль над территорией: кому фактически принадлежат земли в приграничных областях

В последние годы зерно (особенно пшеница и кукуруза) превратилось в один из стратегических экспортных товаров России. Она стала крупнейшим в мире экспортером пшеницы – в более чем 90 стран мира. Однако значительная часть обширных пахотных земель России многие годы остается под паром. Благодаря их использованию можно было бы накормить 450 млн чел. [10. Р. 307–308], так что потенциал для привлечения иностранных инвесторов в российское сельское хозяйство огромен. При этом географическое деление России на европейскую часть и Сибирь (включая Дальний Восток) обоснованно сказывается на потоках инвестиций из разных стран. Европейские инвесторы больше склонны вкладывать капитал в черноземные регионы европейской части России, в то время как Китай и Корея тяготеют к Сибири и Дальнему Востоку.

Помимо чисто пространственной близости, среди основных причин повышенного интереса компаний из северо-восточных регионов Китая к землям Сибири и Дальнего Востока России – схожесть пахотных земель по обе стороны границы по некоторым характеристикам, а также близкая специализация – северо-восточные районы дают более 41% урожая сои Китая, между тем как в Еврейской АО под выращивание этой культуры занято более 90% посевных площадей, а Амурская область в 2015 г. стала ведущим производителем сои в России. Есть также определенная схожесть в структуре севооборота: и там и там сельское хозяйство опирается на развитие крупномасштабного механизированного производства. Кроме того, пахотные земли на российском Дальнем Востоке к настоящему моменту контролируются главным образом крупными государственными или частными предприятиями, что исключает необходимость договариваться с многочисленными владельцами мелких земельных паев, появившимися после распада СССР. Наконец, аренда пахотных земель в России обходится значительно дешевле, чем в Китае. Все эти причины стимулируют «сельскохозяйственную экспансию» Китая на российский Дальний Восток [11. Р. 13].

Китайский агробизнес в настоящее время использует 380 млн га пахотных земель в России, около 80% которых контролируется компаниями из провинции Хэйлуцзян [11. Р. 14].

В Еврейской АО 27 000 га (23% общей площади посевных земель) арендуют предприятия с иностранным капиталом, главным образом – контролируемые китайскими компаниями [12. Р. 64].

Иностранным инвесторам для реализации проектов по производству сои приходится либо использовать существующие пахотные земли, либо осваивать новые участки. Выделение земли под аренду иностранным инвесторам – довольно щекотливая тема, трудно поддающаяся исследованиям из-за непрозрачности сделок [10. Р. 309]. Но это не является исключительно российской или китайской особенностью. Так, китайские инвестиции в Мозамбике потерпели неудачу из-за сопротивления местного населения притоку китайских рабочих. Инвестиции корейской компании Daewoo Logistics Corporation, вложенные в аренду 1,3 млн га на Мадагаскаре для выращивания кукурузы и нефтехимического производства, вызвали политические конфликты, приведшие к свержению правительства в 2009 г. [13].

Китайские сельскохозяйственные инвестиции в России также нередко порождают, во-первых, дискуссии вокруг собственности на землю (суверенитета или целостности территории) а, во-вторых, споры по проблемам миграции.

Так, соглашение о сдаче в аренду китайской компании на 49 лет более 1000 км² сельхозугодий, подписанное правительством Забайкальского края, было подвергнуто критике со стороны политической элиты. Игорь Лебедев (заместитель председателя Госдумы и член партии ЛДПР) заявил, что его партия расценивает это как важный геополитический вопрос, и высказал опасение, что через 20 лет губернатором Забайкальского края будет китаец, а территория края станет частью Китая¹. В Еврейской АО после избрания нового губернатора политика прежнего руководства региона по активному привлечению китайских инвесторов в сельское хозяйство² сменилась на противоположную. Новый губернатор области Александр Левинталь выразил беспокойство относительно китайской угрозы, предупредив о том, что 80% сельхозугодий в Еврейской

¹ URL: <http://gazetarb.ru/news/section-society/detail-412242/> (дата обращения: 21.07.2016).

² URL: http://www.zrpress.ru/business/dalnij-vostok_15.07.2015_73322_80-zemelnnykh-resurosov-v-evrejskoj-avtonomnoj-oblasti-kontroliruetsja-kitajtsami.html (дата обращения: 16.07.2015).

автономной области контролируется китайскими инвесторами по закону или незаконно³.

Зачастую местные жители связывают передачу земли китайским инвесторам с притоком рабочих из КНР, поэтому в их представлении передача земли напрямую связана с угрозой миграции. Региональные и местные органы власти нередко используют такие настроения в своих интересах. Реакция китайской стороны почти никогда не касается захвата земли. В Забайкалье китайская компания ограничилась публичным обещанием, что 75% объема всех сельскохозяйственных работ будут предоставлены местным жителям⁴.

Трансграничная миграция: сельское хозяйство и рабочие-мигранты в приграничных областях

Напряжение в отношениях между русскими и китайцами в приграничных областях может только расти в условиях плохого управления развитием территорий, сопровождающегося загрязнением окружающей среды, захватом земли и климатическими изменениями, что толкает бедные слои китайских крестьян на переезд в Россию. Это стереотипное представление, бытующее в приграничных областях российского Дальнего Востока, стоит подвергнуть сомнению. Во-первых, действительно ли китайские крупномасштабные инвестиции в сельхозугодья (или «захват земли») вызывают приток китайских рабочих на Дальнем Востоке России? Во-вторых, действительно ли «бедны» переезжающие китайские крестьяне?

Прежде всего нужно признать, что развитие сельского хозяйства на арендованной земле довольно часто сопровождается привлечением работников из числа представителей этнической группы инвестора. Иногда речь идет лишь об этнической принадлежности, но не о гражданстве. Так, согласно отчету компании Promar Consulting (2013), девять корейских предприятий стали крупномасштабными производителями в Приморском крае, аккумулировав 168 тыс. га земли. Корейское правительство объявило

о приоритетности найма этнических корейцев, живущих на российском Дальнем Востоке, с целью оказания им помощи.

Но в целом китайские и корейские инвесторы действительно заинтересованы во ввозе своих собственных трудовых ресурсов на Дальний Восток, в отличие, к примеру, от западных компаний, которые склонны привозить в принимающие страны только технологии и своих менеджеров [10. Р. 315], так что в европейской части России активность иностранных инвесторов в АПК никогда не связывается с ростом миграции.

В частности, правительство провинции Хэйлуцзян не скрывает своей заинтересованности в сокращении излишков сельскохозяйственной рабочей силы, возникшей из-за недавней механизации сельского хозяйства. Но дело в том, что китайские инвестиции в производство сои в принципе не способны вызвать большой приток китайских рабочих, поскольку сам производственный процесс этого не требует. В одном из исследований на эту тему [14] показано, что создание четырех ферм по производству сои на Дальнем Востоке Департаментом сельскохозяйственного развития правительства провинции Хэйлуцзян привело к переселению в Россию всего около 200 рабочих. То есть сокращение излишка рабочей силы нельзя назвать целью создания этих предприятий. Цель заключалась в приобретении земельных ресурсов для увеличения продажи своей сельхозпродукции, в том числе – в России.

В отличие от производства сои выращивание овощей является довольно трудоемким. Им на российском Дальнем Востоке активно занимаются частные китайские фермы. Две трети овощей и продовольствия, потребляемых дальневосточными регионами, импортируются из Китая или произведены на территории России китайскими предприятиями или частными фермами [14]. Но при этом овощное производство не требует крупномасштабных земельных угодий, так что термин «захват земли» вряд ли применим к овощеводам.

Однако учитывая то, что местное сельскохозяйственное население в России довольно немногочисленно, а в аренду иностранным компаниям, как правило, предлагаются участки, расположенные в сельских территориях, привлечение китайских рабочих становится просто необходимым. Например, в Ленинском районе Еврейской автономной области на территории в 6 тыс. км² насчитывается 24 поселения с населением всего 19496 жителей, т. е. плотность населения в районе – 3 чел./км².

³ См. интервью с А. Винниковым. URL: <http://ruchina.org/china-russia-article/china/35.html> (дата обращения: 21.07.2016).

⁴ URL: <http://www.ewinextgen.com/eurasia/2015/8/13/russias-far-east-lease-with-china-a-new-problem> (дата обращения: 21.07.2016).

Земли, расположенные в 132 км от Биробиджана вдоль шоссе, ведущего до китайской границы, главным образом используются под сельское хозяйство. В Октябрьском районе Еврейской АО на территории 9,4 тыс. км² всего 15 поселений с населением 10178 человек (плотность – 1,59 чел./км²). Оба района имеют общий таможенный пункт на границе с Китаем в селе Амурзет, занимают ведущее положение в производстве сои и являются районами-монопроизводителями: более 92% их пахотной земли используется под выращивание сои.

Очевидно, при такой плотности населения для поддержания производства сои на достигнутом уровне или его увеличения нужно количество работников из числа местных жителей набрать невозможно, а притока из близлежащих городов и других районов нет из-за низкой заработной платы. Еврейская автономная область страдает от «катастрофического отсутствия трудовых ресурсов» и считает «использование китайских рабочих-мигрантов одним из главных способов сохранения сельского хозяйства в области» [12].

Руководство Амурской области пошло на смелый шаг, когда в 2013 г. ввело нулевую квоту на привлечение китайских сельскохозяйственных рабочих (впрочем, и прежде в регионе выдавалось не так уж много рабочих виз).

Выдача разрешений на работу – это официальный инструмент, позволяющий, с одной стороны, выявлять спрос местных экономических субъектов на иностранную рабочую силу, с другой – регулировать потоки трудовой миграции. Я попытался изучить профессиональную структуру разрешений на сельскохозяйственные работы, выданных в Амурской области, Еврейской АО и Приморском крае, сопоставив перечень сельскохозяйственных профессий по ОКВЭД с перечнем Международной стандартной классификации занятий (ISCO-88). Полученные результаты представлены в таблице 3 (с указанием более знакомых названий профессий). Отметим, что в 2011 г. в Амурской области разрешения были выданы всего 111 рабочим сельскохозяйственного сектора, исключая лесоводство. Притом, что в тот же период Приморский край и Еврейская АО привлекли в сельскохозяйственный сектор в общей сложности 6630 мигрантов.

Анализ профессий, по которым были наняты китайские рабочие, демонстрирует большой спрос на квалифицированных работников растениеводства и овощеводства и более высокую

потребность в квалифицированных работниках молочного производства и животноводства внутри приграничных районов, чем за их пределами. Это же относится и к водителям тракторов: внутри приграничных районов они востребованы гораздо сильнее, чем за их пределами. В отличие от Амурской области и Еврейской АО, Приморский край разрешил хозяйствующим субъектам наем китайских граждан на неквалифицированную работу. Безусловно, имеются серьезные сомнения относительно достоверности официальной статистики. В то же время очевиден значительный спрос местных предприятий на квалифицированный труд в некоторых секторах сельского хозяйства в условиях серьезного дефицита предложения местной рабочей силы.

Таблица 3. Использование иностранных работников в сельском хозяйстве в приграничных областях в 2011 г., чел.

Профессия	Амурская область		Еврейская автономная область		Приморский край	
	количество	доля, %	количество	доля, %	количество	доля, %
Старшие менеджеры	1	0,9	15	1,1	50	0,8
Инженеры и технический персонал	0	0,0	46	3,3	264	4,0
Переводчики	0	0,0	56	4,0	40	0,6
Повара и торговый персонал	0	0,0	41	2,9	66	1,0
Квалифицированные работники растениеводства и овощеводства	45	40,5	442	31,5	4330	65,3
Квалифицированные работники молочного производства и животноводства	35	31,5	117	8,3	352	5,3
Строители и сборщики	0	0,0	66	4,7	308	4,6
Операторы мобильной связи	30	27,0	620	44,2	108	1,6
Неквалифицированные разнорабочие	0	0,0	0	0,0	1112	16,8
Всего	111	100,0	1403	100,0	6630	100,0

В 2011 г. заявки на привлечение 6107 иностранных рабочих подали 139 предприятий. Я установил⁵, что 26 из этих предприятий были основаны частично или полностью с использованием китайского капитала. Они приняли на работу 1481 иностранца. Предприятия без участия иностранного капитала наняли по 40,9 иностранных рабочих каждое, а с иностранными учредителями – в среднем по 57 человек.

⁵ При содействии Светланы Мишук (Институт комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН).

Эти цифры опровергают утверждение о том, что инвестиции из КНР в сельское хозяйство приводят к засилью китайских рабочих. Но они красноречиво говорят о том, что местные производители нуждаются в китайских квалифицированных кадрах независимо от участия в них иностранного капитала. Стереотипные представления о том, что китайские крупномасштабные инвестиции в сельское хозяйство вызывают приток бедного китайского крестьянства, должны быть пересмотрены.

Местные взаимосвязи в приграничных областях

Можно было бы сказать, что анализ официальных квот на выдачу рабочих виз не имеет смысла, поскольку главной проблемой в приграничных областях является приток нелегальной рабочей силы. Собственно, именно незаконная занятость в сельскохозяйственном секторе стала в 2013 г. причиной введения нулевой квоты на выдачу рабочих виз китайским сельскохозяйственным рабочим в Амурской области. Согласно исследованию Рыжовой и Иоффе, 15% местных фирм не информировали органы власти о приеме иностранных рабочих, и официальная статистика показывает заниженное число фактически нанятых китайских граждан [15. Р. 354]. Системы рабочих квот и рабочих виз не справляются с контролем потока китайских рабочих. Федеральная миграционная служба не в состоянии точно оценить размеры незаконной миграции в сельские районы и городские пригороды, поскольку ФМС действует, полагаясь в основном на визуальный контроль и интуицию [16. С. 90]. Любые вводимые административные ограничения сопровождаются свободной миграцией китайских рабочих в приграничные области.

Географическая близость Амурской области с территорией Китая (разделены рекой шириной в 700 м) позволяет китайским рабочим пересекать границу каждый день. Географическое расположение городов-двойников стимулирует развитие приграничного туризма и челночную торговлю [17]. Неспособность гибко реагировать на изменение местного спроса на рабочую силу, особенно для сезонных работ, приводит к тому, что китайские рабочие въезжают в регион с разовыми туристическими или коммерческими (но не рабочими) визами или вообще без разрешительных документов. Поэтому массовый приток незаконных китайских рабочих трудно назвать мифом; скорее, стоит говорить о том, что близость приграничных областей стимулирует мобиль-

ность и развитие экономических связей жителей приграничных областей с обеих сторон.

Взаимная подвижность населения в китайско-российских приграничных районах превратилась в повседневность [18. С. 85]. До 2007 г. Китай был первым в списке стран, посещаемых российскими туристами, выезжающими за границу. В течение 2013 г. более 2 млн россиян посетили Китай, их них 1,7 млн чел. – с туристическими целями и 260 тыс. – с деловыми. За тот же период Россия приняла 1,7 млн китайцев, в том числе 370 тыс. с туристическими целями и 300 тыс. – с деловыми (табл. 4). Вопреки расхожему мнению о том, что китайцы заполнили Россию, сальдо миграции складывается не в пользу Китая.

Таблица 4. Количество иностранных туристов из разных стран, приезжающих в Россию, и российских туристов в Японии, Китае и Республике Корея (2013 г.)

Страна	Цель поездки	Количество иностранных туристов в России	% к числу китайских туристов в России	Количество российских туристов	% к числу российских туристов в Китае
Китай	Всего	1 071 515	100	2 057 810	100
	Туризм	372 314	100	1 067 542	100
	Бизнес	295 203	100	259 223	100
Корея	Всего	107 942	10,1	211 258	10,3
	Туризм	52 114	14,0	107 055	10,0
	Бизнес	22 681	7,7	28 930	11,2
Япония	Всего	102 408	9,6	87 952	4,3
	Туризм	55 092	14,8	33 414	3,1
	Бизнес	30 459	10,3	8 161	3,1

Источник: Рассчитано по данным Федерального агентства по туризму Министерства культуры Российской Федерации.

В приграничных районах взаимный поток посетителей между странами настолько вырос, что их контакты уже не ограничиваются встречами на улицах или покупкой у них предметов первой необходимости, а отражаются на повседневной жизни «аборигенов». Например, половина студентов университета Благовещенска в Амурской области на последних курсах работали неполный рабочий день на китайских предприятиях и/или с китайцами. Каждый третий житель Приморского края побывал в Китае [18. С. 85]. Некоторые эксперты утверждают, что в Сибири и на Дальнем Востоке происходит адаптация к культуре Китая, когда усваиваются гибридные культурные модели обеих стран

[19. С. 210]. Челночная торговля, когда-то доминировавшая в этой отрасли, а позже вытесненная организованным бизнесом, все еще присутствует в практике российско-китайских отношений.

В настоящее время восприятие китайцев жителями российского приграничья значительно изменилось. На смену стереотипу восприятия китайцев как бедных, не говорящих по-русски, бесправных «гастарбайтеров» приходит другое отношение, сформировавшееся в общении с образованными китайскими бизнесменами, знающими русский язык и культуру и приспособившимися к российской практике деловых отношений [20. С. 75–76].

Изменение отношения местных российских жителей к китайским мигрантам символично изложил русский шофер из Еврейской АО, наблюдавший, как приехавший бедный китайский крестьянин, усердно работая, разбогател спустя шесть лет: «Сначала мы возмущались, а теперь работаем на них»⁶.

В настоящее время личные контакты между жителями Китая и России изменились и качественно, и количественно. В прошлом такие связи были возможны, как правило, внутри однородного слоя предпринимателей какой-либо отрасли или отдельного сегмента рынка, например, среди строительных рабочих или торговцев-челноков. Теперь же представители разных слоев населения контактируют друг с другом на бытовом уровне или организуют местное производство, представляя собой многонациональное соседство. Все это «снизу» меняет представление о «китайскости» [21] на российском Дальнем Востоке⁷.

Заключение

В этой статье я попытался описать изменение позиционирования приграничных областей российского Дальнего Востока, затронув такие вопросы, как «захват земли» китайскими инвесторами, присутствие китайских рабочих-мигрантов и повседневные контакты в приграничных областях.

Географические, экономические, политические и социальные проблемы переплетаются в приграничных регионах и надолго подпитывают «спорность территорий». «Захват земли» – щекот-

ливая тема на Дальнем Востоке России, и руководители приграничных территорий часто поднимают этот вопрос, позиционируя себя как борцов с «китайской угрозой». Однако в то же время местные власти приветствуют китайские инвестиции в сельское хозяйство и нередко выступают инициаторами совместных инвестиционных проектов. Такое двойственное отношение местных властей зачастую способствует неустойчивости экономической политики регионов. Смена губернатора может полностью изменить позиционирование приграничной области, привести к отмене квоты на выдачу рабочих виз китайским сельскохозяйственным рабочим и т. п. Противоречие между экономическими и политическими потребностями – это препятствие развитию приграничных областей.

Международные инвестиции в сельское хозяйство становятся все более важным фактором развития России, поскольку обширные площади ее сельхозугодий остаются неиспользованными, и имеется большой потенциал для превращения сельского хозяйства в стратегический экспортноориентированный сектор экономики. Это никак не противоречит интересам российского правительства по стимулированию крупномасштабных инвестиций с целью использования экспорта продовольствия как политического инструмента в развитии международных отношений [10. Р. 925]. Поэтому, с точки зрения долгосрочных перспектив, не имеет никакого смысла излишнее нагнетание антикитайских настроений.

При этом рост связей между российским и китайским населением в приграничных областях содержит большой потенциал для положительных сдвигов в позиционировании регионов [22]. Контакты на бытовом уровне особенно важны как источник перемен «снизу».

Литература

1. *Ferdinand P.* Sunset, Sunrise: China and Russia Construct a New Relationship // *International Affairs*. – 2007. – Vol. 83. – № 5. – P. 841–867.
2. *Kuhrt N.* The Russian Far East in Russia's Asia Policy: Dual Integration or Double Periphery? // *Europe-Asia Studies*. – 2012. – Vol. 64. – № 3. – P. 471–493.
3. *Payan T.* Theory-Building in Border Studies: The View from North America // *Eurasian Border Review*. – 2014. – Vol. 5. – № 1. – P. 1–18.
4. *Weitz R.* Superpower Symbiosis: The Russia-China Axis // *World Affairs*. – 2012. – Vol. 175. – № 4. – P. 71–78.

⁶URL: http://dpni.org/articles/lenta_novo/2728/ (дата обращения: 15.07.2016).

⁷ Мои полевые исследования китайских рынков в Иркутске показали интересный аспект изменения отношения местных жителей Иркутска к китайским рынкам и понятию «китайскости» (см. [21]).

5. *Sheppard E.* The Spaces and Times of Globalization: Scale, Networks, and Positionality // *Economic Geography*. – 2002. – Vol. 78. – № 3. – P. 307–330.
6. *Martinez O.* Border People: Life and Society in the U.S. – Mexico Borderlands. – University of Arizona Press, 1994.
7. *Wilkinson J.* Performing the Local and the Global: The Theatre Festivals of Lake Constance. – Peter Lang, 2007.
8. *Trenin D.* The End of Eurasia. – Carnegie Moscow Center, 2001.
9. *Bury A.* The Development of Cooperation between the Eastern Regions of Russia and the Provinces of China // *ERINA Report*. – 2014. – № 119. – P. 31–34.
10. *Visser O. and Spoor M.* Land Grabbing in Post-Soviet Eurasia: The World's Largest Agricultural Land Reserves at Stake // *Journal of Peasant Studies*. – 2011. – Vol. 38. – № 2. – P. 299–323.
11. *Zhao H.* Sino-Russian Economic Cooperation in the Far East and Central Asia since 2012 // *Eurasia Border Review*. – 2015. – Vol. 6. – № 1. – P. 103–121.
12. *Mishchuk S.* Russian–Chinese Agricultural Cooperation in the Russian Far East // *Regional Research of Russia*. – 2016. – Vol. 6. – № 1. – P. 38–48.
13. *von Braun J. and Meinzen-Dick R.* «Land Grabbing» by Foreign Investors in Developing Countries: Risks and Opportunities // *IFPRI Policy Brief*. – 2009. – № 13.
14. *Takaya K.* China's Grain Policy and Agricultural Investment in Russia (Chugoku no Shokuryou Seisaku to Tai Roshia Nougyou Tousei) // *Ritsumeikan Economic Review*. – 2014. – Vol. 63. – № 3–4. – P. 17–38 (in Japanese).
15. *Ryzhova N. and Ioffe G.* Trans-Border Exchange between Russia and China: The Case of Blagoveshchensk and Heihe // *Eurasian Geography and Economics*. – 2009. – Vol. 50. – № 3. – P. 348–364.
16. *Григоричев К. В.* В тени большого города: социальное пространство пригорода. – Иркутск: Оттиск, 2013.
17. *Mikhailova E.* Border Tourism on the Russian-Chinese Border // *Journal of Siberian Federal University: Humanities & Social Sciences*. – 2015. – Vol. 3. – P. 437–451.
18. *Зайончковская Ж.* Перед лицом иммиграции // *Pro et Contra*. – 2005. – № 3. – P. 72–87.
19. *Бляхер Л. Е., Журавская Т. Н., Скрипник Е. О., Пешков И. О.* Дальневосточное трансграничье / ред. В. И. Дятлов, К. В. Григоричев // *Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества*. – Иркутск: Оттиск, 2013. – P. 36–210.
20. *Дятлова Е. В.* Историческая динамика представлений о китайских торговцах, предпринимательстве и деловой культуре в позднимперской и современной России. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2013.
21. *Хорие Н., Григоричев К. В.* Эволюция китайских рынков в Сибири: пересборка «китайскости» и открытие «закрытых» локальностей / ред. В. И. Дятлов, К. В. Григоричев // *Этнические рынки в России: пространство торго и место встречи*. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. – P. 141–158.
22. *Ломакина Н. В.* Промышленное развитие Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая: цели, результаты и возможности для сотрудничества // *ЭКО*. – 2014. – №6. – С. 25–39.